

УДК 165

«ПРОСТРАНСТВО ШАФЕРА»: НЕЗНАНИЕ КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ*

А. В. Голубинская

*Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского*

Поступила в редакцию 27 мая 2021 г.

Аннотация: в языке аналитической философии традиционно пропозициональные установки делятся на эпистемические (знать, предполагать, отрицать, быть уверенным) и неэпистемические (бояться, намереваться, стремиться и др.). Первые из них представляют интерес не только для логических исследований: вопрос о том, как происходит смена состояний убеждения, сомнения и знания, бросает новые вызовы когнитивным наукам. Одной из наименее разработанных, но требующих решения проблем здесь является понятие незнания. Является ли оно простым отсутствием знания или представляет собой отдельный класс состояний? В качестве исходной точки определяется модель незнания Г. Шафера, в которой неведение выступает простым «состоянием нулевой убежденности». Применение этой модели к различным познавательным ситуациям позволяет проиллюстрировать, что незнание инвариантно, и только при определенных условиях может быть описано моделью Шафера. На основании этого делается заключение, что незнание может быть классифицировано как отдельный вид эпистемических состояний.

Ключевые слова: агнотология, агнотологические состояния, состояния убеждения, эпистемические состояния, теория Демпстера–Шафера.

Abstract: in the language of analytical philosophy, propositional attitudes are traditionally divided into epistemic (to know, to assume, to deny, to be sure) and non-epistemic (to fear, to intend, to strive, etc.). The first of them represent interest not only for logical research: the question of how the states of belief, doubt and knowledge change throws new challenges to the cognitive sciences. One of the least developed, but requiring solutions to problems is the concept of ignorance. Is it a simple lack of knowledge, or is it a separate class of states? As a starting point, G. Shafer's model of ignorance is defined, which understands ignorance as a "zero state of belief". The application of this model to various epistemic situations allows to illustrate that ignorance is invariant, and only under certain conditions can be described by the Shafer's model. Based on this, author concludes that ignorance can be classified as a separate type of epistemic states.

Key words: agnotology, agnotological states, states of belief, epistemic states, Dempster–Shafer theory.

*Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук в рамках проекта № МК-6208.2021.2.

В современной науке исследование познавательной деятельности человека имеет статус междисциплинарной проблемы. К отдельным аспектам темы обращаются и естественно-научные дисциплины (биология и психофизиология познания), и общественные, и гуманитарные, и технические (например, теория искусственного интеллекта), и аналитико-философские (логика, эпистемология). Несмотря на разницу в методологиях и традициях, сложившихся в каждом из научных направлений, проблема познания находится на их совместной границе, в связи с чем возникает потребность в сопоставлении, обобщении или выборе подходов в пограничных областях темы. К таким областям можно причислить исследования эпистемических состояний, определение которых можно заимствовать, например, из логики: под эпистемическими состояниями в логике понимается отношение субъекта к суждению, лингвистически выражаемое при помощи терминов «знать», «верить», «быть убежденным», «сомневаться» и др.) [1].

Наименее разработанным элементом в системе представлений об эпистемических состояниях человека остаются неведение/незнание. Для историка науки Р. Проктора вопрос о том, как определённые социальные силы формируют незнание, стал следствием исследования проблемы распространения научного знания в обществе. Постановка была относительно нова: незнание, интуитивно понимаемое как некая пустота или пробел, может быть оформлено, т. е. может обрести форму, а значит, пустотой быть не может. Следовательно, если незнание – это нечто, то оно имеет начало, природу, механизм производства. После десятилетия исследований искажения знания [2; 3] Проктор стал работать в новом направлении – агнотологии, предметом которой является неведение в широком смысле слова.

Параллельно с этим вероятностная традиция теории познания, начавшая формироваться в первой половине XX в., предлагает противоположный взгляд на проблему. В его основе лежит «вероятностная оценка возможности случайных событий, правдоподобных суждений, гипотез и прогнозов» [4], при этом любые эпистемические состояния здесь представляются как степени, удовлетворяющие аксиомам вероятности, а субъект познавательной деятельности, точнее, его рациональность, носит обобщенный и идеализированный характер [5]. Проще говоря, фундамент понимания эпистемических состояний в вероятностной модели – движение от неведения к знанию.

Три термина, которые необходимы в данной работе, объединяются вероятностным подходом в одну смысловую единицу. Эпистемические состояния (1) трактуются идентично состояниям убеждения (2), т. е. эти понятия являются синонимами, а потребность в выделении агнотологических состояний (3) отсутствует.

Нельзя сказать, что в вероятностной эпистемологии состояния неведения вообще никак не дифференцируются. Встречаются понятия априорного и апостериорного незнания, и последние представляют собой состояния большего невежества. Это решение, очевидно, следует из

бейсианской парадигмы: эпистемическое состояние определяется априорным (безусловным) или апостериорным (условным) распределением вероятности истинности суждения, по которому выносится оценка [6].

Однако интерес для целей настоящей работы предоставляет дискуссия по определению места состояния неведения в системе эпистемических состояний. Как и было сказано ранее, неведение традиционно понимается как одно из состояний убеждения. Такова теория Демпстера – Шафера (А. П. Демпстера и Г. Шафера), согласно которой полное неведение есть состояние «нулевой убежденности» [7], и оно уменьшается за счет добавления все новых и новых свидетельств: «При необходимости оценить, является ли ваза, представленная как ваза эпохи Мин, действительно таковой, появляется два суждения: (1) ваза подлинная, и (2) ваза поддельная. Решение этого вопроса сводится к весу доказательств по обеим сторонам вопроса. Если у меня мало доказательств с обеих сторон – мало причин верить или не верить в подлинность вазы, – тогда я оценю и Θ_1 и Θ_2 очень низко; в крайнем случае, если никаких доказательств вообще нет, я установлю оба точно равными нулю. Если, с другой стороны, доказательства почти окончательно подтверждают подлинность вазы, то я поставлю Θ_1 около единицы, а Θ_2 около нуля. Наконец, существенные доказательства с обеих сторон вопроса приведут меня к тому, что я буду исповедовать некоторую веру с обеих сторон» [7, р. 5–6].

Экспериментируя с вазой, Г. Шафер приходит к заключению, что полное незнание есть состояние убеждения в ситуации, когда у субъекта вообще нет доказательств относительно истинности обсуждаемого утверждения [ibid., р. 22]. Что в данном случае следует понимать под доказательством – вопрос открытый. В 1993 г. математик Р. Херш заметил, что вопрос «что такое доказательство?» немислим для математика, потому что ответ на него очевиден благодаря большому количеству примеров, и для философа, потому что вне формальной логики доказательство не имеет общего определения. Р. Херш начинает с утверждения: доказательство – это просто аргумент, способный убедить компетентных судей [8], и, как в экспертной среде, так и в повседневной жизни, доказательство – это социальный процесс. Разумеется, уверенность в математике достигается в меньшей степени под действием социальных сил, предубеждений и различных, в том числе случайных, ситуативных факторов, чем в обыденной жизни. Однако вопросы о механизмах познания и психосоциальных аспектах эпистемических состояний относятся именно к обыденной жизни человека.

Возможно ли перенести подобный подход из математической и логической теории в когнитивные и психологические исследования эпистемических состояний? Вероятно, да. Но это влечет необходимость решения некоторых вопросов. Если понимать неведение как нулевую степень убеждения или как функцию убеждения, то размывается смысловая граница между знанием и заблуждением, неведением и неопределенностью, неясностью, непонятностью. В первую очередь, это вопрос о том,

связаны ли все эти понятия с разными эпистемическими состояниями или сведение части из них к одному не влечет потери для исследовательской терминологии.

Очевидно, что, если мы определяем неведение как эпистемическое состояние нулевой убежденности или задавая ему нулевую степень убеждения, мы также должны отказаться от разделения этого состояния на какие-либо другие уровни и степени (ноль есть ноль). В случае модели неведения, представленной Г. Шафером, отсутствие свидетельств как об истинности, так и ложности суждения выражается универсально. Следовательно, необходимо оценить, настолько ли важна существующая типология незнания.

Подобные типологии известны с античных времен. Мы обратимся и к современным примерам, но начать предлагаем с самых ранних из них – типологий иррационального Платона. В диссертации «Проблема иррационального у Платона» О. Д. Галазюк поделился опытом их систематизации [9, с. 112–117]:

- ате (помешательство, безумие, злодеяние, беда, несчастье, пагуба);
- аматия (непросвещенность, необразованность, неученность, невежественность);
- агнойя (незнание, неведение, непонимание);
- алогос (бессловесный, невидимый, неопределенный, иррациональный в математике, непостижимый, бессмысленный, непонятный, не основанный на разуме и мышлении, механический, неразумный, безрассудный).

«Агнойя» и «аматия» упоминаются в диалогах Платона довольно часто. В оригинальных источниках находим следующие описания, в целом не противоречащие пониманию неведения как состояния нулевой убежденности:

«Пир» (202a): «Разве ты не замечал, что между мудростью (софия) и невежеством (аматия) есть нечто среднее?»; а также ответ на этот вопрос: «верное представление» или «правильное, но не подкрепленное объяснением мнение» (докса);

«Государство» (478c): «Мнение более смутно, чем знание, но яснее, чем незнание».

Тем не менее анализ упоминания неведения в диалогах Платона позволяет выстроить некоторую систему понятий, отличающихся в языке написания и объединившихся в понятии «неведение» в русскоязычных переводах:

«Софист» (229c): аматия – «когда, не зная чего-нибудь, люди считают себя знающими это»;

«Софист» (294b): агнойя – «совершенное неведение», принципиально недоступное знание, в котором находятся участники дискуссий о природе мироздания;

«Теэтет» (175a): апедевзия – неведение «недалеких людей, которые по своей необразованности не могут охватить взором» необходимые для заключения факты.

Несмотря на то что следующая из диалогов и общей традиции платонизма позиция в целом выступает в поддержку дифференциации различных форм неведения, главным критерием такого различения разных форм неведения является причина, объясняющая неспособность субъекта «выйти из состояния нулевой убежденности», – проблема, стоящая в стороне от тематики Г. Шафера.

Вместе с тем попытка соединить некоторые аспекты вероятностной эпистемологии с этим классическим философским отрывком приводит к началу построения некоторой системы. Интерес представляет фрагмент из «Софиста» (229с), где описывается состояние, при котором субъект ошибочно полагает, что известные ему доказательства в пользу одной из сторон суждения верны. Однако в рамках модели Шафера это состояние ничем не отличается от состояния того, кто полагает то же самое безошибочно.

Представим, что в кабинете находятся два испытуемых, о которых мы ничего не знаем, и нашей задачей является оценка их степени убеждения относительно высказывания: «Атом – неделимый». Испытуемый 1 сообщает нам: «Неверно, что атом – неделимый», – а испытуемый 2: «Верно, что атом – неделимый». На основании этого мы оцениваем доказательства, привлеченные первым испытуемым как правильные, а вторые – как некорректные. Однако представим также, что испытуемый 1 был проинформирован, что он проходит тест на остаточные знания курса физики, поэтому оценил высказывание «Верно, что атом – неделимый» низко, а высказывание «Неверно, что атом – неделимый» высоко. Испытуемый 2 является специалистом в области греческого языка и был информирован, что проходит тест по своей специальности. Для него, разумеется, высказывание верно.

Это показывает, во-первых, что подход оказывается сильно зависимым от контекста, субъективного видения ситуации, а его применение требует идентичности как опыта участников, так и привлекаемых в момент решения доказательств. Во-вторых, что более важно для настоящей работы, состояние, при котором субъект ошибочно полагает задействованные доказательства как обоснованные и достаточные, явно не может быть описано как неведение в трактовке Шафера.

Этот же результат можно получить при объединении модели с известной «Китайской комнатой» [10]. В этом случае персонаж эксперимента имеет абсолютно такое же эпистемическое состояние, как и носитель китайского языка, поскольку у него есть весомые доказательства для определения правильной реакции.

Таким образом, возникает первая необходимость сужения области, к которой вообще может быть применен обсуждаемый метод: в вероятностном подходе речь изначально идет о неведении особого типа, при котором это неведение отчетливо осознается субъектом (осознаваемое неведение). Целесообразно обозначить и второй тип, описанный в «Софисте», – неосознаваемое неведение.

Вернемся к вопросу о возможности разграничения разных состояний неведения. Отрывок из «Теэтета» (175a) поднимает проблему способности человека охватить взором необходимые для заключения факты. Речь можно вести только об «апедевтических», как у Платона, состояниях, то есть следствиях необученности. Более формально интересующее нас состояние можно описать так: субъект находится в затруднении относительно суждения, когда осознает, что суждение допускает правильный ответ, но не может придумать ответа, к которому нет возражений. Описанная ситуация названа С. Бромбергером «р-затруднением» [11, р. 26–36].

Автор приводит такое описание р-затруднения. Для начала зададим нескольким субъектам вопрос: «Как Бог создал Еву, целое человеческое существо, из одной кости?». Ребекка не знает причин отвергать мнение, что ребро Адама было сломано на столько частей, сколько нужно для тела, а затем части были растянуты и сформированы в необходимую конфигурацию, после чего Бог вдохнул жизнь в целое. Сэм не может принять этот ответ. Он знает о принципе сохранения материи, о различиях в химическом составе мышц, волос, костей, кожи, нервов, желудка. Но он не может придумать ничего, что было бы приемлемо для него. Макс-атеист отвергает весь этот вопрос. Мы бы ошиблись, сказав, что Ребекка испытывает р-затруднение в отношении этого вопроса, поскольку она может придумать, по крайней мере, одно объяснение, которое она не отвергает, или что Макс находится в п-затруднительном положении в отношении этого вопроса, поскольку он не допускает, что суждение допускает правильный ответ. В р-затруднении в отношении этого вопроса находится только Сэм [ibid., р. 30].

Другой вид состояния незнания, описанного С. Бромбергером, – b-затруднение, при котором «ответ находится за пределами того, что субъект может постичь, вообразить, вспомнить» [ibid., р. 36]. И р-затруднения, и b-затруднения являются независимыми явлениями, возможна любая их комбинация [12]. Спекулятивные вопросы, фактически не допускающие правильного ответа, ведут к р-затруднениям, а сложные научные и философские вопросы допускают сочетание обоих видов состояний. Здесь интересен комментарий Д. Р. Нортон: каким бы ни было правильное объяснение того, что происходит с объектом, когда он попадает в черную дыру, с моими ограниченными знаниями теоретической физики я в настоящее время не в состоянии составить или понять ответ, даже если кто-то прямо скажет мне. Это говорит о том, что я нахожусь в b-затруднении. Если я в р-затруднении, то тем объяснениям, которые я понимаю, я могу придумать веские причины, чтобы отвергнуть их. Каждое объяснение, которое мне известно, я нахожу глубоко проблематичным на основе того или иного мысленного эксперимента. Разница между двумя описанными состояниями неведения заключается в способности опровержения или подтверждения аргументов, имеющих в информационном репертуаре субъекта: в первом случае ответы обоснованно отвергаются, во втором случае они даже не вырабатываются.

Очевидно, что состояние неведения возможно при разных наборах свидетельств и связано с уровнями понимания – речь идет об осознваемом и рациональном неведении [11, р. 128], при котором субъект знает, что не знает. Не совсем понятно, почему к данному состоянию мы должны применять ярлык «нулевой убежденности». Именно это решается Р. фон Вуденергом, предлагающим разграничивать рациональное неведение С. Бромбергера с ситуациями, при котором субъект даже не знает о существовании вопроса [13]. К примеру, если мы никогда не слышали о языке тсонга, то не можем оценить высказывание о примерном количестве его носителей. В таких случаях предложения Г. Шафера не вызывают противоречия. Таким образом, можно сделать еще один шаг к разграничению агнотологических состояний на рациональные и нерациональные, определив последние как область действия модели Шафера.

Таким образом, применение модели Шафера позволяет классифицировать эпистемические состояния человека. Результаты, которые мы предлагаем в данной работе, можно представить следующим образом. Существуют эпистемические состояния, одни из которых являются состояниями убеждения, а другие – нет, в частности, ко вторым относятся состояния неведения. Поскольку модель Шафера не позволяет охватить явления, обозначенные еще в классической греческой теории познания, то целесообразно разделить незнания на осознаемые и неосознаваемые. Два затруднения, которые можно назвать агнотологическими, описывают возможные ситуации рационального неведения. Находясь в р-затруднении, субъект допускает правильный ответ, но не может сгенерировать из своего ментального репертуара никакого ответа, на который, учитывая взгляды этого человека, нет решающих возражений. Находясь в b-затруднении, субъект принципиально не может выработать ни одно решение. Оставшийся класс, обозначенный как состояния нерационального неведения, представляется тематической областью, в которой ценность модели Шафера сохраняется, несмотря на корректировку исходного понимания неведения. «Пространство Шафера», таким образом, представляет совокупность простых агнотологических состояний, при котором субъект низко оценивает достоверность всех вариантов ответа на вопрос в связи с недостаточностью имеющегося информационного багажа.

Проделанной работы, разумеется, недостаточно, чтобы полностью описать предлагаемые классы, поскольку каждый из них требует отдельного изучения. Это выражает направления продолжения представленной работы.

Литература

1. *Quine W. V. Word and object / W. V. Quine. – The MIT Press, 2013.*
2. *Proctor R. N. Cancer wars : how politics shapes what we know and don't know about cancer / R. N. Proctor. – Basic Books, 1995.*

3. *Proctor R. N.* Golden Holocaust : Origins of the Cigarette Catastrophe and the Case for Abolition / R. N. Proctor. – University of California Press, 2012.
4. Пробабализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2009.
5. *Loewer B.* Probability theory and epistemology / B. Loewer // Routledge Encyclopedia of Philosophy. – 1998. – P. 6880–6885.
6. *Norton J. D.* Ignorance and indifference / J. D. Norton // Philosophy of Science. – 2008. – Vol. 75. – № 1. – P. 45–68
7. *Shafer G.* A mathematical theory of evidence / G. Shafer. – Princeton university press, 1976. – 297 p.
8. *Hersh R.* Proving is convincing and explaining / R. Hersh // Educational Studies in Mathematics. – 1993. – Vol. 24. – № 4. – P. 389–399.
9. *Галазюк О. Д.* Проблема иррационального у Платона : дис. ... канд. филос. наук / О. Д. Галазюк ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д., 1998.
10. *Searle J.* Minds, Brains and Programs / J. Searle // Behavioral and Brain Sciences. – 1980. – Vol. 3 (3). – P. 417–457.
11. *Bromberger S.* On what we know we don't know : explanation, theory, linguistics, and how questions shape them / S. Bromberger. – University of Chicago Press, 1992.
12. *Barton N.* Independence and Ignorance : how agnotology informs set-theoretic pluralism / N. Barton // Journal of Indian Council of Philosophical Research. – 2017. – Vol. 34. – № 2. – P. 399–413.
13. *Woudenberg R. van.* Ignorance and force : two excusing conditions for false beliefs / R. Van Woudenberg // American Philosophical Quarterly. – 2009. – Vol. 46. – № 4. – P. 373–386.

*Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского*

*Голубинская А. В., кандидат фило-
софских наук, научный сотрудник
E-mail: golub@ioo.unn.ru*

*Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky*

*Golubinskaya A. V., Candidate of Phi-
losophy, Researcher
E-mail: golub@ioo.unn.ru*